

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

**КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ
И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ
ПРАКТИКА В ОБЛАСТИ
ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В АФРИКЕ**

Препринт WP18/2012/01

Серия WP18

Права человека в современном мире

Москва
2012

УДК 342.7(6)
ББК 67.400.7(6)
К90

Редактор серии WP18
«Права человека в современном мире»
А.Л. Рябинин

К 90 **Культурные аспекты и правоприменительная практика в области прав человека в Африке** : препринт WP18/2012/01 [Текст] ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 44 с. – 150 экз.

Данный препринт является седьмым из серии «Права человека в современном мире». Рассматриваются вопросы идеологии прав человека в одном из самых малоизученных в отечественной литературе регионов мира – Африке. Основной акцент делается на необходимости адаптации концепта прав человека в африканских политико-правовых реалиях. Рассмотрены как государственные, так и надгосударственные механизмы прав человека в Африке.

УДК 342.7(6)
ББК 67.400.7(6)

Обсуждение данного препринта состоялось 1 декабря 2011 г. на семинаре «Культурные аспекты и правоприменительная практика в области прав человека» под руководством заведующего кафедрой всеобщей и отечественной истории проф. А.Л. Рябинина.

**Издание серии препринтов
«Права человека в современном мире»
осуществляется при поддержке
Фонда Фридриха Науманна (Германия)**

**Препринты Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>**

© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2012

Вместо предисловия

Акад. А.Б. Давидсон

Мне хотелось бы обратить внимание вот на какие моменты. Если посмотреть нашу печать, то из нее явствует, что есть такая страна – черная Африка, в которой очень плохо с парламентами, очень плохо с выборами и в общем-то люди бьют друг друга непрерывно. Я утрирую здесь, но все-таки. Мне кажется, что при любом обсуждении того, что делается в чужой стране, нужно обращать внимание не только на специфику этой страны, не только на то, чем она хуже и «ниже» и как она недоразвита. А обращать внимание следует на то, что нас сближает с этой страной, и можем ли мы в своей стране чему-то научиться у этой другой страны. Вот этого я в нашей печати в отношении Африки, к сожалению, не вижу. В отношении вопроса прав человека следует обратить внимание на две вещи, которые сказываются во всем отношении к Африке. Во-первых, то, что мы мало о ней знаем, а, во-вторых, простите меня, высокомерие. Высокомерие европейца и в том числе и наше. Приведу пример. У меня шла статья в нашем лучшем историческом журнале, где лично ко мне относятся очень хорошо. Тем не менее была у меня фраза о том, что Мугабе на выборах в Зимбабве не получил большинства голосов. Для того чтобы людям это было понятно, я написал: **«Представьте себе, что Сталин бы не получил большинства голосов на выборах»**. Эту фразу из моего текста немедленно вычеркнули. Святое не трогай, это наше, Сталин наш, а это там, у них.

Когда пишут о правах человека в Африке, я понимаю, что очень важно, сколько ООН собрало комиссий, но я не уверен, что это самое главное, есть что-то намного более важное, **самосознание людей**. К сожалению, **ооновские комитеты, конечно, очень важны и хорошо, что они работают**, но в нашей стране они большое имеют значение? Они очень влияют на наши выборы, на наше отношение к выборам? Есть ли у вас мнение, что они действительно на нас очень влияют?

Мне кажется, если судить по нашей печати, то получается, что выборы в Африке плохие, парламента тоже и т.д. Но нужно еще помнить, что не так давно парламента-то не было. Выборов-то не было. Идет создание молодых государств. Я знаю, что мы очень не любим сравнивать себя с другими. Мы особенные, особенные и еще раз особенные. Нашего Сталина не трогай, никакого отношения к Мугабе он, конечно, не имеет. Не

буду говорить о России. Но если взять Таджикистан, Узбекистан, то разве не те же самые проблемы становления новых государств мы наблюдаем? Разве не те же самые вопросы о правах человека стоят на повестке дня. Я не уверен, что мы достаточно четко оцениваем происходящее на африканском континенте. На рубеже 80-х и 90-х годов Южно-Африканская Республика находилась на грани гражданской войны, страшной кровавой бойни, которая стоила бы, быть может, не меньше, чем то, что произошло в Конго и в районе Великих озер. И политологи всего мира предсказывали, что Южная Африка – это «котел с раскаленной смолой», и держится он до тех пор, пока плотно придерживается крышка. А если ее хоть чуть-чуть сдвинуть, произойдет чудовищный взрыв. И та ненависть, которая накопилась у черного населения к белому за 300 лет, обязательно скажется.

Каддафи говорил: **«Я выгнал из Ливии всех белых, 20 тыс. итальянцев, и хочу, чтобы Африка тоже выгнала всех. Я хочу, чтобы Африка на европейских языках не говорила, потому что африканцы могут понять друг друга только на своих языках».** На фоне того, что не один только Каддафи так говорил, а многие так говорили, Южная Африка находилась на рубеже 80-х и 90-х годов на грани страшной бойни. Заслуга и белого руководства, и Леклерк, и Манделлы в том, что они добились того, что этого не произошло. Не было ни одного погрома, не было ни одного поджога, не было ничего похожего на так называемую кровавую бойню.

Почему-то у нас в 1917 г. этого не получилось. И у нас гражданская война валилась на наши головы два с лишним года. И из нашей страны эмигрировало 2 млн человек, но, казалось бы, происходящее в Южной Африке должно было закончиться более страшными последствиями, а там этого не случилось. Я не хочу сконцентрировать все внимание лишь на одном Манделле, но все-таки он 27 лет просидел в тюрьме. Что он сделал, когда вышел? Пошел к тому прокурору, который присудил его к пожизненному заключению и сказал ему: «Давайте строить будущее нашей страны вместе». После чего собрал у себя вдов всех предыдущих президентов и премьер-министров, то есть своих врагов (самых их уже не было в живых), и сказал им то же самое: «Давайте строить будущее нашей страны». И с этим лозунгом выходил на всех митингах.

Его жена не давала ему развода. Что он сделал? Выступил в газете со статьей и сказал: «Дорогие мои соотечественники, я как президент обязан вам показывать пример, а я ведь живу в неосвященном браке. Я перед вами виноват». Я бы очень хотел, чтобы во многих странах, намного бли-

же к нам расположенных, чем даже Босния и Герцеговина, хотя бы что-то похожее было. Что-то я такого вижу мало. Нужно, когда мы говорим об Африке, во-первых, искать не только ее специфику, искать то, что нас с ней сближает, а сближает многое. Разве у нас все хорошо с правами человека, что мы так смотрим свысока? И второе. У каждой страны, у каждого народа можно чему-то научиться. Я привел один пример. Я могу их привести довольно много. У Африки мы тоже можем чему-то научиться. Я думаю, что в любой дискуссии, касающейся другой страны, и в том числе африканских стран, вот это обязательно должно присутствовать. Чтобы мы не скатывались на специфику и на некоторое высокомерие.

Вступительное слово

А.С. Сунгуров

Я бы хотел сказать несколько слов о проекте. Он имел первоначальное название «Карта прав человека». Сегодня он уже называется «Универсализация прав человека». То есть уже в процессе его реализации сами инициаторы стали лучше понимать свой замысел. Сегодня мы понимаем его как попытку разобраться, как понимается и воспринимается в различных странах сама концепция прав человека.

Сегодня эта концепция, уже ставшая важной составляющей мировой политики, все еще воспринимается в разных странах неоднозначно. У нас в России, например, некоторыми представителями власти она по-прежнему воспринимается как «буржуазная, империалистическая выдумка», направленная на разжигание антиправительственных выступлений и запугивание доблестных сотрудников ЧК, КГБ и ФСБ типа Лугового, чтобы помешать им поднимать престиж нашей страны всеми доступными им методами, включая чай с полонием. В то же время Россия входит в Совет Европы и признает решения Страсбургского суда по правам человека. Как и Африка, наша страна тоже очень разная. Возьмем, например, Северный Кавказ, где мы недавно проводили исследование развития института Уполномоченного по правам человека¹. Там тоже есть уголки, которые не сильно отличаются от некоторых африканских стран. Стоит подняться выше в горы...

Вернемся к нашему проекту и к Африке. Можно так сформулировать основную цель проекта: на основе восприятия ситуации специалистами по конкретным странам и регионам попытаться понять, как в этих странах воспринимается эта концепция населением и властью. Отметим, что эта цель отлична от ставшей уже классической цели различных мониторингов – определить, «как соблюдаются права человека». Вопрос, который остается, касается универсальности прав человека, насколько они могут быть едины для всех. Этот вопрос остается и его мы также будем обсуждать, понимая при этом, что концепция прав человека уже стала

¹ Нездуров А.Л., Сунгуров А.Ю. Институт Уполномоченного по правам человека в субъектах РФ Северо-Кавказского федерального округа: опыт сравнительного анализа: учеб. пособие. Серия «Библиотека Уполномоченного по правам человека в субъекте РФ». Вып. 10. СПб.: Норма, 2011.

фактором мировой политики. К ней стремятся, ею спекулируют, она помогает изменять режимы изнутри, она является инструментом изменения режимов извне. Но основная цель данного проекта – именно сравнительный анализ, компаративистское исследование. И предмет сегодняшнего обсуждения – вовсе не экзотика, а часть поля сравнительного анализа, в которое входят и другие страны, включая Россию.

Мой небольшой собственный опыт знакомства с африканскими странами включает посещение острова Лебон вблизи Кейптауна, где была каторга для борцов с апартеидом, где долгие годы провел и первый президент свободной Южно-Африканской Республики Нельсон Манделла. Два глубоких впечатления остались у меня после поездки на этот остров. Во-первых, это четкие инструкции в столовой бывшей тюрьмы, из которых следовало, что заключенным с самым черным цветом кожи, людям «двенадцатой категории» (на которые разделили всех людей творцы апартеида), полагалось 250 граммов риса в день, тогда как заключенным «одиннадцатой категории» (чуть более светлая кожа) – 300 граммов. Так сказать, апартеид в действии и «ничего личного». Во-вторых, экскурсоводы по острову – бывшие заключенные этой островной тюрьмы. Один просидел семь лет, другой – двенадцать. Они были абсолютно к месту, потому что рассказывали, как все это было, основываясь на опыте собственной жизни. Они не пошли в парламент, они не пошли в министры. Они прекрасно работали ведущими в этом музее – бывшей тюрьме, где они сами сидели. И я тогда подумал, как хорошо, когда люди оказываются именно на своем месте, и как часто такой мудрости не хватает многим людям из «более цивилизованных» стран.

Итак, в рамках этого проекта мы хотели бы выйти за пределы спора между сторонниками универсалистской и релятивистской концепций прав человека. Ясно, что крайности универсалистской концепции опасны игнорированием местных культур, а крайности партикуляризма служат основанием для местных диктаторов, которые говорят, что «моему народу права человека не нужны, так как все необходимое он получает от государства и от меня лично». Мы же хотим выйти на уровень компаративистского подхода к изучению прав человека как феномену нашей жизни. Можно, конечно, утверждать сейчас, что эта концепция, так же как и глобализация или Интернет, не свойственна африканским народам (что также можно отнести и к российской глубинке или кавказским вы-

сотам), но она уже есть. Люди уже живут в этих условиях, это уже реальность – как дождь идет или снег. Можно по-разному относиться к снегу, можно принимать или не принимать, а можно учитывать, изучать, как он идет. Концепция прав человека – это как снег, он уже идет. И хотя иногда хочется сказать: «Нет, это не для нас, нам лучше, чтобы дождик или солнышко». Но на дворе зима и идет снег.

Итак, предмет сегодняшнего обсуждения – попытаться понять, основываясь на мнениях присутствующих экспертов, как эта концепция воспринимается в африканских странах людьми, которые там живут.

Африка и права человека (к постановке проблемы сопряжения)

Ю.Н. Винокуров

Согласно мнению многих историков и антропологов, Африка – континент, где человек появился раньше, чем в других частях ойкумены. Но называть ее пионером в освоении идеи прав человека, конечно же, не приходится. Я позволил себе этот каламбур, чтобы сразу поставить (но отнюдь не раскрыть) проблему специфичности этого континента. Конечно, Африка не более специфична, чем другие регионы мира, но, тем не менее, на сегодняшний день о ней принято говорить, как о континенте менее развитом в сравнении, скажем, с Азией или Южной Америкой.

Африка как континент

Африка лишь чуть более полувека назад освободилась от колониальной зависимости, позднее других регионов встала на рельсы современного развития, освоения достижений научно-технического прогресса, в который вносит большой вклад как источник полезных ископаемых, но в гораздо меньшей мере – как лаборатория научно-технической мысли. По сей день этот континент остается ареалом сохранения обществ переходного состояния, в которых формационная стадильность развития до неузнаваемости изменилась под сильным воздействием их цивилизационной специфики, закостенелое общинное бытие уживается с предпринимательским практицизмом, религиозно-мифологическое мировоззрение – с осмыслением законов общественного развития, интравертные приоритеты – с вестернизацией, восприятие человека как несамостоятельной частицы сложного мира – с осознанием судьбоносности личных качеств и целеустремленной деятельности человека¹.

Согласно статистике, в 2010 г. в Африке проживали 1 012 млн человек, что составляло 14,7% населения планеты. За последние 50 лет оно быстро прирастало: с 257 млн в 1960 г. до 482 млн в 1983 г. и 682 млн в 1993 г. Темпы роста и теперь остаются высокими. По мнению исследователей из Африканского союза и Экономической комиссии ООН для

¹ См. об этом подробнее: Винокуров Ю.Н. Демократическая Республика Конго. Власть и оппозиция. М., 2003. С. 3–6.

Африки, весьма быстрое увеличение населения не способствует становлению таких позитивных явлений, как рост доходов на душу населения, улучшение медицинского обслуживания, совершенствование системы образования, а следовательно, таких существенных качеств человеческой личности, как вера в себя, самоуважение, чувство собственного достоинства, свобода выбора².

По численности населения Африка уступает только Азии. В этническом отношении она состоит из нескольких сот больших и малых народов, 107 из которых насчитывают более 1 млн, и 24 – более 5 млн. Эти народы относятся к различным антропологическим типам, которые, в свою очередь, относятся к разным расам³. Их жизнь протекает в различных природно-климатических зонах: горных, пустынных, саваннных, речных, лесных, что также способствовало формированию разных укладов жизни, душевного склада человека и восприятия им объективной действительности.

Видный российский африканист д.э.н. Ю.В. Потемкин писал, что ныне Африку характеризуют «...общий низкий уровень экономического развития, определяющий слабость, особенно в промышленном секторе, предпринимательской прослойки; неграмотность (малограмотность) и бедность большей части населения; огромный разрыв между “низовой” массой, повседневно вынужденной решать вопросы элементарного выживания, и узкими “верхами” социума с их “европейской” моделью потребления; устойчивость патронажно-клиентельских отношений; пониженное социально-правовое положение женщин; этнокультурная чересполосица во многих странах; межэтнические, конфессиональные и социальные конфликты; нежелание правящих элит реально демократизировать политические режимы; “весовое” преобладание политического авторитаризма, пусть более или менее смягченного, над политической демократией в конкретных условиях стран Африки»⁴.

Эта характеристика современной Африки станет еще более впечатляющей, если ознакомиться с некоторыми сводными статистическими данными, касающимися основных параметров социально-экономической

² Population et développement en Afrique. Note d'information présentée par l'OUA et Comission Economique pour l'Afrique. URL: <http://www.un.org/popin/icpd/iepd/conference/bkg/afrique.html>.

³ Африка. Энциклопедический справочник. М., 1986. Т. 1. С. 92. Этнический состав Африки. URL: <http://www.africtur.ru/nation/этнический-состав-Африки>.

⁴ Африка: проблемы становления гражданского общества. М., 2009. С. 11.

и общественно-политической ситуации на континенте в первом десятилетии XXI в.

Политологи считают, что к 2010–2011 гг. в Африке все еще не было ни одного демократического (по международным стандартам) государства, в пяти странах (Южно-Африканской Республике, Ботсване, Бенине, Лесото и Намибии) действовали режимы ограниченной демократии (*démocratie incomplète*), в 13 – режимы «смешанного типа» (*régime hybride*) и в 24 странах – авторитарные режимы (*régime autoritaire*)⁵. Несколько государств в этот список не включены.

По комплексной оценке демократичности африканских режимов страны Африки располагались следующим образом: в первую десятку вошли Маврикий (8,04), Кабо-Верде (7,94), ЮАР (7,79), Ботсвана (7,63), Намибия (6,23), Бенин (6,17), Гана и Лесото (по 6,02), Мали (6,01), Малави (5,84); в последнюю десятку – Тунис (2,72), Зимбабве (2,64), Эритрея (2,31), Джибути (2,20), Республика Конго (2,15), Гвинея-Бисау (1,99), Ливия (1,94), Экваториальная Гвинея (1,84), Центральноафриканская Республика (ЦАР – 1,82), Чад (1,52). Всего этот показатель дан по 49 государствам; по Сомали, Южному Судану и Сейшелам индекс отсутствует⁶.

По индексу гражданских свобод (на 2011 г.) наивысший уровень – 8,00 – зафиксирован в Кабо-Верде, затем следуют Египет, Экваториальная Гвинея, Ливия, Сомали, Судан – 7 баллов, Чад и Кот-д’Ивуар – 6,5 баллов, семь государств – Тунис, Зимбабве, Камерун, Демократическая Республика Конго (ДРК), Эритрея, Свазиленд и Зимбабве – 6 баллов. Неблагополучными по этому показателю оказались Гана (1,5), Бенин и Намибия (по 2 балла)⁷.

По индексу свободы местной прессы в первую десятку из 52 стран вошли Эритрея (105,00), Судан (85,33), Руанда (81,00), Экваториальная Гвинея (79,00), Тунис (72,50), Сомали (66,00), Ливия (63,50), Свазиленд (57,50), ДРК (51,83), Нигерия (51,50). Нижнюю десятку составили Бенин, Коморские Острова и Кения (по 19,00), Маврикий и Сенегал (по 18,00), Того (17,00), Танзания (13,00), ЮАР (12,00), Гана (8,00), Намибия (7,00)⁸.

⁵ Afrique, les chefs d'état. url: <http://www.statistiques-mondiales.com/afrique-dirigeants-africains.htm>.

⁶ См.: <http://www.statistiques-mondiales.com/afrique> (см. таблицы по странам).

⁷ Ibid.

⁸ Ibid.

Представление об уровне жизни африканцев можно составить также по данным 2003–2005 гг., определяющим долю населения 38 государств, живущего менее чем на 2 долл. в день. В ЮАР, Алжире, Тунисе, Египте, Ливии и Марокко таковых было не более 5%. Близки к этой группе самых благополучных стран были Маврикий, Мавритания, Нигерия – от 6 до 9%. В 16 странах доля такого населения составляла от 21% (Судан) до 47% (Сьерра Леоне). В группе наиболее бедных стран остаются Коморские Острова (52%), Бурунди (63%), Эритрея (68%), ДРК (76%). Нельзя не отметить, что в 16 государствах Африки население постоянно недополучает из пищи жизненно необходимого человеку организму энергетического минимума⁹.

Расходы на здравоохранение (в 47 странах, данные 2008 г. в долл. на одного человека) разнились труднопредставимым образом: от 654 долл. США в ЮАР, 538 – в Ботсване и 346 – в Габоне до 3 долл. США в Бурунди, 5 – на Мадагаскаре, 6 – в ДРК и Сьерра Леоне, 8 – в Сомали¹⁰. По оценочным данным, в 37 странах Африки смертность от СПИДа сократилась с 2191 тыс. человек в 2003 г. до 1506 тыс. человек в 2007¹¹.

По данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), безработица в 26 странах Африки в первое десятилетие XXI в. находилась на уровне 5–10% в 7 странах, на уровне 11–30% в 12 странах и на уровне 31–95% в 7 странах; самая высокая была зафиксирована в Зимбабве (95% в 2009 г.) и Буркине-Фасо (77% в 2008 г.)¹². Вместе с тем следует отметить, что в большинстве африканских государств действует система социального обеспечения, средства для которой складываются их взносов предпринимателей и страховых взносов рабочих.

Часто используемый ныне индекс человеческого развития в 2011 г. определялся в Африке следующим образом: в первую десятку вошли Маврикий (0,782), Ливия (0,780), Сейшелы (0,773), Алжир и Тунис (0,698), Габон (0,674), Египет (0,644), Ботсвана (0,633), Намибия (0,625), ЮАР (0,619); самые низкие баллы были выявлены у Зимбабве (0,376), Буркина-

⁹ Pourcentage de population sous-alimentée. URL: http://www.statistiques-mondiales.com/sous_alimentation.htm

¹⁰ Dépenses de santé par habitant. URL: <http://www.statistiques-mondiales.com/sante.htm>.

¹¹ Afrique. Nombre de décès dus au SIDA. URL: http://www.statistiques-mondiales.com/afrique_sida.htm.

¹² Taux de chômage. URL: <http://www.statistiques-mondiales.com.htm>.

Фасо (0,331), Либерии (0,329), Чада (0,328), Мозамбика (0,317) и Нигера (0,295)¹³.

По индексу коррумпированности (данные 2011 г. по 27 странам) «лидируют» Кабо-Верде (5,5), ЮАР (4,1), Гана (3,9), Лесото и Гамбия (3,5), Марокко (3,4), самый низкий уровень коррумпированности в Бурунди (1,9), Анголе, ДРК и Ливии (2,0), Гвинее-Бисау, Республике Конго и ЦАР (2,2)¹⁴.

Вооруженные конфликты

Слаборазвитость Африки является одновременно причиной и следствием ее хронической политической нестабильности. В течение полувека – с 1960 г. (года Африки) до 2011 г. этот континент более 30 раз становился ареной крупных вооруженных конфликтов (появилась даже их классификация):

- войны за независимость: Эритреи от Эфиопии (1961–1993), Анголы (1961–1975), Гвинее-Бисау (1962–1974), Мозамбика (1965–1975), Намибии (1965–1990), Кабо-Верде (1956–1975), Алжира (1955–1962);
- войны межгосударственные: Эфиопия – Эритрея (1998–2000), Мавритания – Марокко (1975–1989), Танзания – Уганда (1978–1979), Эритрея – Судан (операция «Красная звезда», 1983), Эфиопия – Сомали (2006–2007);
- войны гражданские, особенно затяжные: в Чаде (1965–1994), Нигерии (1967–1969), Анголе (1975–2002), Мозамбике (1981–1982), ЮАР (1983–1986), Эфиопии (1987–1991), Сомали (1988–2005), Конго-Браззавиле (1993–1994; 1997), Судане (2003–2007), Сьерра-Леоне (1991–2001), ДРК (1998–2002), Гвинее-Бисау (1998–1999), Кот-д’Ивуаре (2000–2007);
- войны, возникшие на почве межэтнических противоречий – в Уганде (1971–1978), Судане (1983–2002), Бурунди (1993–2005), Руанде (1994), Нигерии (2001–2004);

¹³ Indice de Developpement Humain en Afrique. URL: http://www.statistiques-mondiales.com/idh_afrique.htm.

¹⁴ Indice de corruption. URL: <http://www.statistiques-mondiales.com> (см. таблицы по странам).

– войны, возникшие на почве политических разногласий – Демократической Республике Конго (1965–1977), Либерии (1985), Уганде (1981–1986).

Подсчитано, что в них погибло от 9 до 10 млн человек и что войны только последних двух десятилетий (1990–2010) обошлись более чем в 200 млрд евро¹⁵.

К этому перечню, возможно, следовало бы добавить события в Северной Африке, которые войдут в историю как «арабская весна 2011 г.»¹⁶.

«Первая африканская мировая война» (1998–2002 гг.)

Под этим названием вошли в современную историю Африки события, разразившиеся в регионе Великих озер в августе 1998 г. и казавшиеся поначалу очередной вспышкой практически непрекращающейся гражданской войны в ДРК, быстро переросшие в межгосударственный вооруженный конфликт. С разной степенью интенсивности в него оказались втянуты девять государств, кроме ДРК: Уганда, Руанда, Ангола, Бурунди, ЦАР, Намибия, Чад, Зимбабве. Их суммарная территория – 7002,8 тыс. кв км – составляла $\frac{1}{4}$ часть Африки, население – 132,6 млн человек – более 14% от общей численности населения континента¹⁷.

Каждую из этих стран раздирали внутренние конфликты. Особенно острыми они были в ДРК, Анголе, Бурунди, Руанде, ЦАР, где и до 1998 г. тоже происходили гражданские войны. Остальные страны составляли «группу риска», поскольку обострившиеся до предела социальные проблемы могли в любой момент перерасти в каждой из них в кровавые вооруженные конфликты.

На севере и западе Уганды против президента Йовери Мусевени в течение многих лет действовали повстанцы «Объединенных демократических сил», блокирующиеся с исламистской сектой «Салаф Таблик», а также христианская Армия спасения Господа, Фронт Западного берега Нила (отряды бывшей угандийской армии президента Иди Амина Дада). Все они добивались свержения режима, установленного Й. Мусевени в

¹⁵ Составлено по: <http://www.statistiques-mondiales.com/afrique-geurre.htm>.

¹⁶ См.: Васильев А.М. Цунами революций: новые геополитические реалии. М., 2011.

¹⁷ Подсчитано по: Africa Internet Usage and Population Statistics (2006 Est.). URL: <http://www.internetworldstats.com/stats.htm>.

1986 г. в результате военного государственного переворота. С этой целью повстанцы совершали террористические акты и вооруженные операции¹⁸.

В Анголе еще долго после провозглашения независимости в 1975 г. шла гражданская война между Народным движением за освобождение Анголы (МПЛА), с одной стороны, Национальным фронтом освобождения Анголы (ФНЛА) и Национальным союзом за полную независимость Анголы (УНИТА), с другой, принеся тяжкие страдания мирному населению. Правительство Анголы финансировало свои военные действия как из внешних, так и из внутренних источников, а также за счет эксплуатации национальных нефтяных месторождений. Вооруженная оппозиция получала часть необходимых ей средств на войну из-за рубежа, а часть – реализуя добываемые незаконно алмазы в контролируемых ею районах страны. Значительные усилия ООН и посредническая деятельность США, Португалии и России привели в середине 90-х годов к определенному умиротворению, начавшемуся с заключения в 1985 г. Лусакских соглашений о мире и национальном примирении и упрочившемуся после того, как в апреле 1997 г. представители УНИТА вошли в национальное правительство, а в 2002 г. между МПЛА и УНИТА было подписано соглашение о прекращении боевых действий. Однако в Кабинде, дающей 60% ангольской нефти, усиливались сепаратистские настроения, которым симпатизировали баконго соседней Республики Конго (Браззавиль)¹⁹.

Две гражданские войны в Республике Конго (Браззавиль) продолжались, затихая на время, семь лет. В результате Д. Сассу-Нгессо, представлявший 15% населения страны, сверг президента П. Лиссубу, за которым стояли 40% населения, и оттеснил Б. Колелу, который выражал интересы 30% населения. Из этого факта виден накал борьбы, методы прихода к власти, «демократизм» политического процесса в Тропической Африке²⁰.

¹⁸ Berghazan G., Nkundabagenzi F. La guerre du Congo-Kinshasa. Analyse d'un conflit et transferts d'armes vers l'Afrique Centrale. Les Rapports du GRIP. Bruxelles, 1999. № 2. P. 3–4; Страны Африки. 2002. М., 2002. С. 578–579.

¹⁹ Винокуров Ю.Н. Ангола в контексте кризиса в регионе Великих озер // Ангола. Этнос и нация. М., 2003. С. 84–85; Berghazan G., Nkundabagenzi F. Op. cit. P. 4–5; Страны Африки. 2002. С. 52–55.

²⁰ Berghazan G., Nkundabagenzi F. Op. cit. P. 5–6; Страны Африки. 2002. С. 387; Виноградова Н.В. Республика Конго. М., 2007. С. 51–53.

Политическое положение в ЦАР в 80–90-е годы и в начале XXI в. оставалось нестабильным. В 1979 г. национальная армия при поддержке Франции отстранила от власти самопровозглашенного императора Бокасса I. Президентом стал старейший политический деятель Д. Дако, восстановивший в феврале 1981 г. многопартийную систему. В конце того же года лидер вооруженной оппозиции генерал А. Колинмба сверг Дако, ввел в стране военный режим. Он оставался у власти до 1993 г., когда проиграл выборы премьер-министру А. Патассе. Еще через 10 лет к власти пришел лидер вооруженной оппозиции А. Бозизе, проживавший до того в Чаде. Порядок в стране долгие годы обеспечивали французские войска, затем войска шести африканских государств²¹.

В Зимбабве к середине 90-х годов резко ухудшилось положение народных масс. За годы независимости (с 1980 г.) цены увеличились на 500%, заработная плата снизилась в среднем на 70%. Число рабочих мест прибавлялось ежегодно на 15 тыс., при том что на рынок труда выходили ежегодно 190 тыс. человек. Десятки тысяч людей голодали, 600 тыс. человек (5,5% от численности населения) не имели крыши над головой. Экономике подтачивала разросшаяся до невероятных пределов коррупция. Многочисленные акты протеста – забастовки, «голодные бунты» и другие проявления недовольства масс – власти подавляли с использованием силы. Чтобы переключить недовольство масс с властей на «внутренних врагов», президент Р. Мугабе начал насильственное вытеснение из страны белых фермеров, осужденное мировой общественностью. В этих условиях участие зимбабвийских войск в военных действиях в ДРК, обходившихся казне в 1 млн долл. США в день, не могло не вызвать широкого движения протеста: в нем, по некоторым оценкам, участвовали 70% зимбабвийцев²².

В Бурунди нестабильность возникла после того, как в октябре 1993 г. офицером тутси был убит первый демократически избранный президент – хуту Мельхиор Ндадайе. Гражданская война между хуту, составляющими большинство населения страны, и тутси, выходцы из которых были основой политической и военной элиты, охватила всю страну. Тупиковый характер этого конфликта состоял в том, что демократическим путем тутси были лишены возможности обеспечить себе представительство в органах государственной власти, адекватное их представлению о своей роли в политической и экономической жизни страны.

²¹ Berghazan G., Nkundabagenzi F. Op. cit. P. 6–7; Страны Африки. 2002. С. 6–7.

²² Berghazan G., Nkundabagenzi F. Op. cit. P. 8–9.

Положение сильно ухудшилось после того, как к власти в июле 1996 г. в результате военного переворота пришел тутси П. Буйоя. Лишь в незначительной мере улучшению ситуации содействовали посреднические усилия Уганды, Руанды и Танзании, приславших в Бурунди свои войска и тем самым подкрепивших политический нажим на конфликтующие стороны. Около 500 тыс. бурундийцев стали беженцами в пределах своей страны, 300 тыс. укрылись в Танзании. Лишь в июне 1998 г. под сильным внешним давлением хуту и тутси заключили «Соглашение о политической платформе переходного периода»²³.

В Руанде следствием межэтнического конфликта хуту-тутси и геноцида 1994 г., унесшего жизни от 500 до 800 тыс. человек, стали серьезные внутриполитические перемены. Рухнул демократический многопартийный режим президента Д. Хабиаримана и премьер-министра Д. Нсенгийарелисе, при которых действовало коалиционное правительство национального союза, объединившее все ведущие политические силы Руанды. На смену ему пришел режим «партии-государства», оказавшийся несостоятельным в ряде других стран Тропической Африки. Руандийский патриотический фронт, возглавляемый Полем Кагаме, стал единственной легальной политической организацией. Вся власть оказалась сосредоточена в руках президента Кагаме²⁴. В отместку за поддержку президентом Мобуту повстанцев хуту власти Руанды поддержали антимобутовское выступление баньямуленге, проживавших в Заире соплеменников тутси, против Мобуту, а затем и против сменившего его президента ДРК Л.-Д. Кабилы.

Интернационализация вооруженного конфликта в регионе Великих озер и побудила тогдашнего госсекретаря США М. Олбрайт (по другим сведениям, ответственного сотрудника американской администрации Сьюзан Райс) назвать его «первой африканской мировой войной» («Africa's first world war»).

Эта война представляла собой явление многоплановое, сочетавшее политический, экономический, юридический, военный, внешний, человеческий факторы, т.е. все то, что составляет контекст реализации прав человека в Африке.

²³ Republique du Burundi. Accord sur la plate-forme politique du regime de transition. Bujumbura, juin 1998; Berghazan G., Nkundabagenzi F. Op. cit. P. 9–10; Страны Африки. 2002. С. 49; Соколова Р.Б. Эволюция этнического конфликта в Бурунди. М., 1998.

²⁴ Страны Африки. 2002. С. 48–49; Bergahazan G., Nkundabagenzi F. Op. cit. P. 48–49.

Личностный фактор: Мобуту – «правовой» президент «правового» государства Заир

Ознакомление с деятельностью Мобуту, управлявшего своей страной с 1965 по 1997 г., позволяет глубже проникнуть в африканскую специфику и роль руководителя африканского государства второй половины XX в., в частности, и в том, что касается проблемы «права человека и Африка».

Мобуту родился в 1930 г. в семье повара и горничной из народности монго. По совету миссионеров его назвали Жозефом Дезире (Иосифом Желанным). Окончив начальные классы, он поступил в среднюю школу при миссии Ордена непорочного сердца Марии, но через год его отчислили за недисциплинированность и как «плохого христианина». В 20 лет он поступил на службу в колониальную армию – «форс публик». В армейской библиотеке пристрастился к чтению книг по истории и философии. С 1955 г. начал публиковать в местной прессе статьи и заметки о жизни африканцев. Ладил с чиновниками колониальной администрации и скоро пошел в гору. В 1959 г. стал главным редактором столичной газеты «Актуалитэ Африкэн». В начале 1960 г. тайные покровители из авиакомпания «Сабена» пригласили его на год в Бельгию, где он без хлопот получил стипендию и стажировку в агентстве «Инфоркого».

Тогда же Мобуту сблизился с П. Лумумбой, прибывшим в Брюссель на переговоры о предоставлении Конго независимости. Возглавив первое правительство независимого Конго, Лумумба назначил его начальником генштаба национальной армии и своим личным секретарем. Но уже в сентябре 1960 г. Мобуту отстранил своего шефа от власти и отправил на растерзание к «президенту» сепаратистской Катанги М. Чомбе. Именно в тот период Мобуту возвысился до командующего армией и стал основной пружиной всех политических интриг в стране. В 1964 г. он привел в исполнение разработанный в Брюсселе и Вашингтоне план назначения Чомбе премьер-министром Конго.

В 1964 г. при полном содействии премьера Чомбе и командующего армии Мобуту НАТО провело в Конго военную операцию «Красный дракон» по подавлению повстанческой Народной республики Конго, возникшей тогда на востоке страны. В одном из более поздних английских исследований констатировалось, что в 1965 г. ЦРУ вдохновило Мобуту на второй государственный переворот. «Хорошему другу США, мудрому руководителю Мобуту» поручили свергнуть теперь премьер-министра Чомбе и президента Касавубу²⁵.

²⁵ Politics and Society in Contemporary Africa. L. 1998, P. 377.

Придя к власти, Мобуту, чтобы расположить к себе массы, объявил Лумумбу национальным героем Конго. Народу он обещал «выместить из страны продажных политиканов, руководствующихся только своими корыстными интересами, готовых даже пожертвовать нашей независимостью». Он обещал соотечественникам покончить с нищетой, голодом и прочими бедами, превратить Конго за пять лет в процветающую страну, в которой «будет радостно жить и которой будет завидовать весь мир»²⁶.

Власти развернули кампанию по созданию культа личности Мобуту, едва не перешедшую в кампанию по его сакрализации. «Мы не нуждаемся в христианских святых. Христос, пророк Иудеев, уже мертв. Мобуту – пророк африканцев. Он пробудил нас от оцепенения, научил любить друг друга, раскрепостил наши умы. Портреты нашего пророка должны быть развешены повсюду, как в Китае висят портреты Мао»²⁷.

Мобуту сосредоточил в своих руках всю власть, объявил себя пожизненным председателем-основателем созданной им в 1967 г. партии «Народное движение революции» (НДР), которая два года спустя осталась единственной в стране и была превращена в симбиозное сочленение «партия-государство». Все заирцы, даже еще не родившиеся, становились ее членами. Всех их заставили заменить христианские и арабские имена на «самобытные». Пример подал сам президент: из Жозефа Дезире он превратился в Мобуту Сесо Секо Куку Нгбенду Ва За Банга (по одному из переводов – Храбрый Воин Смело Идущий от Победы к Победе). Переименовали страну, ее великую реку, города. Не удалось только подобрать аутентичную замену словам «министр» и «депутат» – первых стали называть «государственными комиссарами», вторых – «народными комиссарами». Любая попытка усомниться в разумности этих нововведений расценивалась как контрреволюционная акция.

Выступая в октябре 1973 г. на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Мобуту заявил, что его «аутентичность» является не только краеугольным камнем идеологии его страны, но и «платформой для сотрудничества между всеми государствами и потому – «всемирной революции»²⁸.

Решив таким образом политические проблемы, Мобуту в 1972 г. занялся экономикой. На I съезде НДР, состоявшемся через пять лет после создания партии, было объявлено, что «нашим боевым и гуманным ком-

²⁶ Le président Mobutu vous parle. P.(s.a), P. 18, 22.

²⁷ Le Débat. P. janvier 1981, P. 41.

²⁸ Mobutu Sese Seko. L'autenticité est une plateforme pour la cooperation entre Etats – Afrique diplomatique. Genève, IX.1975 – II.1976. Numero special. P. 19.

пасом является подлинно заирский национализм»²⁹. Съезд решил ограничить влияние иностранного капитала и вести хозяйственную деятельность в стране на плановой основе, разбив реформу на три этапа:

- заиризация в 1973–1974 гг.: передача собственности мелких и средних иностранных предпринимателей местным;
- радикализация революции в 1975–1976 гг.: передача национализированного фермерского хозяйства, розничной торговли и сферы услуг в ведение госаппарата;
- либерализация в 1976–1977 гг.: возвращение экспроприированной собственности прежним иностранным и местным владельцам.

В итоге такой реформы мобутовский режим вовсе утратил контроль над народным хозяйством страны. Он оставил после себя промышленность, производившую едва ли 10% продукции 50-х годов, практически бездействующий транспорт, сельское хозяйство, неспособное обеспечить населению даже полуголодное существование, казну, разграбленную президентом и его «жирными баронами», внешний долг в 14 млрд долл., коррумпированный неработоспособный государственный аппарат, небоеспособную армию, чиновников, врачей, учителей, годами не получавших жалованье и лишенных медицинской помощи.

Уместно процитировать здесь свидетельство ученого и государственного деятеля Конго Клеофаса Камитату, утверждавшего, что Мобуту сам наставлял своих приближенных на путь хищений: «Если вы воруете, не тащите все сразу. Берите частями. Своровали, вкладывайте украденное в своей стране. А если вывозите за границу, окажетесь врагами республики. Будете выкручиваться сами!»³⁰.

По мере того как несостоятельность политической и экономической деятельности Мобуту становилась все более разрушительной, в стране усиливалась оппозиция его режиму. Она зрела в массах, в правящей элите и армии, в студенческой среде, даже среди духовенства, и тем более в заирской диаспоре за границей.

В борьбе с противниками своего режима Мобуту не стеснялся в выборе средств: изгнания из страны, тюремные заключения, ссылки, физическая расправа стали неотъемлемой составляющей его стиля управления государством. В июне 1966 г., всего через полгода после прихода

²⁹ Premier congrès ordinaire du MPR. Doc.01/Sem/72. Madrandele Tanzi. Le natinalisme zaïrois authentique. Nsele, 1972. P. 2.

³⁰ Цит по: Pourtier R. Zaïre: l'unité compromise d'un sous-continent à la dévier // Hérodote. P., 1992. № 65–66. P. 278.

к власти, Мобуту объявил о раскрытии «заговора на Троицын день». Пятеро государственных деятелей из высшего круга правящей элиты, арестованные 31 мая, на следующий же день в ходе полуторачасового судебного заседания были обвинены в попытке покушения на жизнь главы государства, и 2 июня четверо из них были повешены на стадионе в присутствии 50 тыс. жителей Киншасы³¹.

Совершенно изуверски Мобуту расправился с руководителем антиправительственного восстания 1964–1966 гг. в конголезской провинции Квилу П. Мулеле, министром образования в правительстве Лумумбы. Заманив его в Киншасу якобы для переговоров, Мобуту передал его на растерзание своей охране. Мулеле истязали, отрезая уши, нос, выкалывая глаза, отрезав гениталии, отрубая руки и ноги, и еще живой обрубок тела утопили в р. Конго. Та же участь постигла двух соратников Мулеле – Бенгелу и Муквиди. Само восстание было жестоко подавлено³².

Мобуту не щадил и тех, с кем в разные периоды своей карьеры сотрудничал. Свергнув в 1965 г. президента Касавубу, он обрек его на нищенское существование и медленное умирание в больнице (по одной из версий, он был отравлен)³³.

В апреле 1966 г. Мобуту заочно приговорил к смерти Чомбе, успевшего к тому времени покинуть страну. Умер Чомбе в Алжире в июне 1969 г. официально от инфаркта, но упорно говорили, что он был отравлен, в связи с чем его французский адвокат получил от Мобуту 7,5 млн бельгийских франков³⁴. Один из мобутовских премьер-министров Б. Мунгул-Диака эмигрировал в Бельгию, спасаясь от 10-летнего тюремного заключения. Там же укрылся от весьма возможной казни самый успешный при Мобуту министр иностранных дел Нгуза Карл и Бонд, охарактеризовавший годы президентства своего шефа как «период систематического нарушения прав человека»³⁵.

³¹ См. об этом подробнее: Винокуров Ю.Н. Указ. соч. С. 64–66.

³² См. подробнее: Винокуров Ю.Н. Источники по современной истории ДРК: Документы восстания в Квилу. Африканский сборник 2011. СПб., 2012. С. 61–62; Винокуров Ю.Н., Орлова А.С., Субботин В.А. История Заира в новое и новейшее время. М., 1982. С. 232–237.

³³ См.: The Encyclopedia Africana. Vol. 2. Michigan, 1979. P. 219; Monguya Mbenge D. Histoire secrète du Zaïre. Bruxelles, 1977. P. 146.

³⁴ Kanyarwunga J.I.N. L'Envers du parchemin. P. 2006. P. 217.

³⁵ См.: Nguza Karl-i-Bond. Un avenir pour le Zaïre. Bruxelles, 1988. P. 7.

Мобуту то приближал к себе, то жестко преследовал Э. Чисекеди – одного из ветеранов государственной и партийной жизни страны, первого в Конго доктора права (именно он в 2011 г. соперничал с Ж. Кабилой в борьбе за пост президента ДРК). Все критические замечания Чисекеди в свой адрес Мобуту расценивал как инсинуации. За десять лет (80-е годы) Чисекеди находился на свободе всего 1 год. Перечень политэмигрантов из Заира можно было бы продолжать еще долго. Особенно многочисленные заирские диаспоры образовались в Бельгии, США, Канаде.

Как-то в конце 70-х годов Мобуту похвалился тем, что за годы своего пребывания у власти не построил ни одной тюрьмы. Он умолчал, что при нем в Заире и без того функционировала разветвленная и отлаженная сеть пенициарных учреждений разных типов. Самым известным местом заключения стал тогда остров Була-Бемба в нижнем течении Конго, отличавшийся тяжелым, очень вредным для здоровья микроклиматом. В этом своеобразном концлагере содержались политические противники мобутовского режима. Среди них выделялся Антуан Гизенга, сподвижник Лумумбы, возглавивший первое конголезское правительство после гибели Лумумбы в январе 1961 г. В гнилом климате острова, в одиночной камере под строжайшей охраной, на голодном пайке, без всякой медицинской помощи Гизенга содержался при Мобуту почти 3,5 года.

В крупных городах и их предместьях функционировали большие тюрьмы, всегда переполненные и лишенные надлежащих условий содержания заключенных (Макала, Ндоло, Лузуму в Киншасе, Касапа в Лубумбаши, Булуо в Ликаси, Шинкакаса в Бома, Ангенга в Лисала и др.). Существовали также лагеря для пересыльных: Экафора в Экваториальной провинции, Аба, Ируму и Монгбвала в Верхнем Конго, Касаджи в Шабе³⁶.

Из этого весьма краткого описания жизненного пути и государственной деятельности одного из самых известных и весьма популярных в мире президентов ДРК вполне можно составить представление о том, насколько сам Мобуту и его режим, а также африканское общество XX в. сопрягались с принципами прав человека.

³⁶ Ekpebu L.B. Zaire and the African Revolution. Ibadan, 1989. P. 258–264.

Вклад африканских государств в международную правозащитную деятельность

Из 47 членов Совета ООН по правам человека, созданного в 2006 г., 13 являются представителями Африки. Об их роли в этом органе можно судить хотя бы по тому, что их совокупное мнение по тем или иным вопросам неоднократно оказывалось решающим. Многие, выдвинутые ими соображения – принцип равноправного сотрудничества, искоренение конфронтации и политизации, недопущение превращения Совета в орган судебного характера – стали определяющими в его деятельности. Именно по предложению африканской группы были приняты два важных документа: Кодекс проведения специальных процедур Совета и Кодекс поведения мандатариев специальных процедур Совета. Часто африканские представители выступали в Совете по приоритетным проблемам единым фронтом. Однако еще чаще при обсуждении текущих вопросов их мнения не совпадали³⁷.

В середине первого десятилетия XXI в. африканские представительства в ООН приняли активное участие в разработке и реализации проекта издания в четырехгодичном цикле Универсального периодического обзора, призванного содействовать более четкому контролю за деятельностью правительств стран Африки в выполнении своих полномочий по соблюдению прав человека. Именно в процессе подготовки первого из этих обзоров выявилась пассивность неправительственных организаций в защите прав человека из-за нерасположенности к этому африканских государственных органов³⁸.

Важнейшую роль в организации правозащитной деятельности на Африканском континенте играет Африканская комиссия по правам человека и народов (АКПЧН), созданная в соответствии с принятой в 1981 г. Африканской хартией прав человека и народов. Штаб-квартира комиссии находится в столице Гамбии г. Банжул. Активно функционировать АКПЧН начала лишь шесть лет спустя, но при этом важно отметить, что в ее компетенцию входит теперь не только продвижение и контроль за соблюдением прав человека и народов, но также толкование Хартии и

³⁷ См.: Гольгьяев А. Страны Африки в Совете ООН по правам человека // Африка в глобальном мире: прошлое, настоящее и будущее. М.: Институт Африки РАН, 2011. С. 18–20.

³⁸ См.: Музалева О.С. Роль африканских стран в создании и функционировании Универсального периодического обзора Совета ООН по правам человека // Африка в глобальном мире... С. 47–49.

рассмотрение жалоб на нарушение ее положений. В рамках АКПЧН действуют, согласно ее Правилам процедуры, шесть рабочих групп: по экономическим, социальным и культурным правам; по добывающей промышленности, окружающей среде, правам человека; по правам коренных народов/общин; по престарелым и инвалидам; по вопросу о смертной казни; по работе Комиссии; пять специальных докладчиков: по правам женщин; по правам правозащитников; по вопросам беженцев и перемещенных лиц; по свободе информации; по проблеме тюрем и заключенных; два комитета: по защите прав больных людей; по предотвращению пыток³⁹.

В июле 1998 г. Совет министров ОАЕ принял Протокол о создании независимого Африканского суда по правам человека и народов как консультативного и полномочного органа для разрешения споров между африканскими государствами в связи с нарушениями прав человека, закрепленных в Африканской хартии прав человека и народов. Этот Протокол вступил в силу лишь в январе 2004 г. (после его ратификации 15 государствами). К сентябрю 2011 г. его ратифицировали 26 государств из 54 членов Африканского союза. Штаб-квартира суда расположена в г. Аруша (Танзания).

Хотя создание и начало функционирования этого органа породило в ряде стран представление о «начале новой эры в обеспечении прав человека», его деятельность разворачивается весьма медленно. Лишь в 2006 г. были избраны 11 судей и состоялось первое заседание. К 2011 г. суд рассмотрел только две жалобы по нарушению прав человека в Сенегале и Ливии и принял к рассмотрению около десятка запросов на консультативные заключения. Возможно, такая ситуация проистекает из определенного параллелизма в его функциях с Африканской комиссией по правам человека и народов⁴⁰.

К защите прав человека в Африке имеет прямое отношение Совет мира и безопасности, учрежденный Первой очередной сессией глав государств и правительств Африканского союза, состоявшейся в Дурбане (ЮАР) в июле 2002 г. по Протоколу, вступившему в силу 26 декабря 2003 г. В его компетенцию входит предупреждение и предотвращение разногласий и конфликтов, равно как и политики, могущих привести к геноциду и преступлениям против человечности, разрешение конфликтов в случаях неконституционной смены правительств и споров, связанных с выборами, возможное предотвращение и урегулирование вспыхнувших вооруженных

³⁹ См.: Петрова Н. К вопросу о правозащитных механизмах Африканского союза // Африка в глобальном мире... С. 49–51.

⁴⁰ См.: Солнцев А. Африканский суд по правам человека и народов: итоги первой пятилетки // Африка в глобальном мире... С. 60–64.

конфликтов. Неизбежно возникающие в результате этих коллизий нарушения прав человека Совет мира и безопасности решает во взаимодействии с Африканской комиссией по правам человека и народов⁴¹.

Из всех составляющих понятия «права человека» самой актуальной в Африке остается защита прав женщин. В Африканской хартии прав человека и народов (1981 г.) эта проблема сконцентрирована в двух основополагающих формулах: «исключить все формы дискриминации в отношении женщин» и «обеспечить адекватную защиту прав женщин и детей в соответствии с международными нормами». Однако в последующем десятилетии положение в этой области прав человека оставалось крайне тяжелым. В 90-е годы из 1,9 млн жертв разного рода конфликтов, имевших место в Африке южнее Сахары, 63% составляли женщины и дети. Женщины страдали и от вооруженных конфликтов, и от ущербностей в социально-экономической сфере. Так, смертность женщин во время беременности и родов из-за плохого медицинского обслуживания остается в Африке самой высокой в мире.

Поскольку деятельность африканских правительств в этой области защиты прав человека оказалась недостаточно эффективной, Ассамблея глав государств и правительств Африканского союза в июле 2003 г. приняла второй Протокол к Африканской хартии прав человека и народов «О защите прав женщин в Африке», вступивший в силу в ноябре 2005 г. В нем констатировалось, что гендерный вопрос остается одним из самых злободневных для Африканского союза. Этот протокол был даже назван самым прогрессивным международным документом, направленным на защиту прав женщин. Проблема состоит, однако, в том, как он будет превращаться в жизнь. К сентябрю 2011 г. его подписали 46 из 54 государств – членов Африканского союза, ратифицировали – 30.

Значительный вклад в защиту прав женщин вносит Специальный докладчик по правам женщин, восемь пунктов полномочий которого сводятся к тому, чтобы всемерно содействовать африканским правительствам в активизации их деятельности по защите прав женщин в своих странах и подготовке соответствующих отчетов для Африканского союза. Особое значение деятельность Специального докладчика приобретает в 2010–2020 гг., объявленных Десятилетием африканских женщин⁴².

⁴¹ См.: Конева А. Деятельность совета мира и безопасности Африканского союза // Африка в глобальном мире... С. 34–37.

⁴² См.: Тимашкова Н.Е. Защита прав женщин в Африке // Африка в глобальном мире... С. 66–71.

«Универсальная» концепция прав человека и «африканская специфика»

Д.М. Бондаренко

Мне очень понравилась постановка вопросов, которая сейчас прозвучала, поскольку она позволяет уйти от узкополитологического взгляда, при котором все сводится к количеству партий в стране, подсчету голосов на выборах и т.п. Предлагаемая же постановка вопросов позволяет задать гораздо более серьезный контекст для анализа. Я думаю, что этот анализ стоит начать с ответа на вопрос о том, что такое современное африканское государство, в котором осуществляются или не осуществляются права человека, существует или не существует концепция прав человека и т.д. Хотя с конца 80-х годов, когда заканчивалась «холодная война» и в Африке началась волна демократизации, с формальной точки зрения, в подавляющем большинстве стран континента к сегодняшнему дню утвердились многопартийность и прочие атрибуты демократии, включая законодательное признание прав человека в их западной трактовке, во многих странах демократия в той или иной степени эфемерна. По-прежнему существуют и проблемы с соблюдением прав человека, в частности, с возможностью эффективного отстаивания их в суде. Тем не менее и реальные достижения в этом отношении не следует недооценивать: сейчас в Африке и в самом деле остается все меньше и меньше одиозных режимов, бывших столь характерными для нее до конца 1980-х годов. Сегодня большинство режимов в Африке можно охарактеризовать как более или менее мягкие авторитарные.

В этой связи хотел бы отметить, что во время своей последней поездки в Африку – в Танзанию в апреле – мае 2011 г. – я видел несомненные признаки влияния, в частности, на эту страну субсахарской Африки так называемой «арабской весны». Я бывал в Танзании много раз, и в этот раз столкнулся с явлениями, которые, безусловно, нельзя было представить еще год назад. Буквально два примера: я приезжаю читать гостевую лекцию в Школу журналистики Дар-эс-Салама. Меня встречает ректор и говорит: «Здравствуйтесь. А знаете, чего больше всего не хватает Танзании? Демократии». Другой пример: я приезжаю в город Моророго и вижу демонстрацию студентов под лозунгами, требующими введения в стране подлинной свободы слова. Демонстрация небольшая –

человек шестьдесят. Конечно, она не идет ни в какое сравнение, например, с событиями на площади Тахрир в Каире. Но надо сравнивать не с Тахриром, а с той же Танзанией еще год назад: повторюсь, что еще год назад увидеть то, что я увидел в этот приезд, было практически нереально.

На мой взгляд, ключевое значение имеет то обстоятельство, что современные государства Тропической Африки (за небольшими исключениями; в значительной степени таким исключением является Эфиопия) – во многом искусственные образования в том смысле, что и их границы, и сам факт их существования не вытекали из логики исторического, социокультурного, политического развития самой Африки в том виде, в каком этот процесс шел более или менее естественным для Африки образом в доколониальный период. Современные африканские государства, в сущности, есть наследие колониализма в том отношении, что, когда колонизаторы уходили, мир уже был «глобальным»; собственно, благодаря освоению мира европейцами начиная с эпохи Великих географических открытий, он и стал «глобальным». Фернан Бродель назвал это «подвигом Запада». Современное же государство – это та единственная форма политической организации, которая позволяет сегодня той или иной общности существовать как субъекту международного права, существовать в современном мире как признанная социополитическая целостность. И надо понимать, что в определенной мере современные африканские государства – образования изначально даже химерические, лишь постепенно нащупывающие и еще не вполне нащупавшие путь к обретению внутренней органичности, социокультурной, национальной цельности, поскольку в их рамках объединяются народы с совершенно разной культурой, с разной доколониальной историей; народы, которые зачастую прежде были очень мало друг с другом связаны и даже враждовали. С другой стороны, колониальными границами, унаследованными постколониальными государствами, многие родственные народы оказались разъединены, даже один народ нередко оказался разделен, были разорваны исторически сложившиеся экономические, социально-политические, культурные связи и навязаны новые.

Можно вспомнить, как концепция прав человека исторически возникла в Европе – вспомнить Великую хартию вольностей в Англии, Генеральные штаты во Франции, то есть не надо понимать концепцию прав человека как изначально абсолютную, подлинно универсальную

ценность. Таким образом, я хочу подчеркнуть историко-культурную обусловленность, европейскую цивилизационную сущность этой концепции. В том виде, в каком она существует в широко распространенной теории и коренится в историческом, культурном, политическом опыте Запада, концепция прав человека не есть нечто вполне адекватное первоосновам африканских социумов. Если мы обратимся к африканским общностям, не вставая на позиции откровенного европоцентризма, то увидим, что в них исторически складывались свои формы взаимодействия и свое соотношение значимости индивида, общества и власти.

Действительной основой социально-политического бытия африканских народов, базовой формой существования африканских культур является и всегда являлась община. Это фундаментальный факт, который при всем старании не смогли изменить колонизаторы, какую бы систему колониального управления – «прямого» или «косвенного» – они ни внедряли, и именно благодаря этому Африка, несмотря на все искажения, сохранила свою цивилизационную идентичность. Без понимания того, что община и сегодня задает (непосредственно или – в условиях урбанизации – опосредованно) *modus vivendi* подавляющего большинства африканцев, мы не сможем понять и проблему прав человека в Африке и вообще все процессы, которые там имеют место. Община не является воплощением прав человека в их новоевропейском («современном», якобы «универсальном») понимании. Но она никогда не была и воплощением некоего тоталитарного, антигуманистического начала. В общине никогда не было возможно единовластие, там всегда существовали институты, если не выборные в прямом смысле слова, то институты, на которые выдвигались люди на основе четких, понятных принципов. Характер мировидения, задаваемый общиной, – не антропо-, а социоцентрический, где во главе угла не индивид, а социум (сама община). Если новоевропейский антропоцентризм приветствует самоопределение человека через подчеркивание своей неповторимой индивидуальности (и именно это называется «личностным началом»), то в африканской общине человек отнюдь не «растворен» в коллективе, но свою незаменимость и уникальность он обретает и ощущает лишь в нем, не противопоставляясь коллективу, а напротив, сознавая себя его частью, стремясь внутренне уподобиться ему, а через это – Космосу. «Законы» Космоса определяют законы общества, а уже они, в свою оче-

редь, – место и роль в нем отдельного человека. Только то, что идет во благо коллектива, может быть хорошо и для индивида. Коллектив же, естественно, осмысливается в общинно-родственных понятиях и категориях.

В связи со сказанным выше стоит упомянуть разнообразные концепции «африканского своеобразия», утверждавшиеся в качестве официальной идеологии лидерами многих государств континента в основном в 1960–1980-е годы. Эти лидеры апеллировали к традиционной африканской культуре для того, чтобы показать, что она отличается от западной в том числе с точки зрения прав человека, и тем самым обосновать необходимость для общества следовать идеологии, призванной легитимизировать их жестко-авторитарные или даже неприкрыто-диктаторские режимы. Наверное, самая известная из них – концепция «заирской самобытности», иногда называемая «мобутизмом» по имени ее создателя Мобуту-Сесе-Секо. Насаждая в стране свою диктаторскую власть (в частности, путем прямого попрания прав и свобод человека), Мобуту утверждал, что именно такой режим якобы соответствует истокам заирской культуры, идеально соответствует традиционным нормам заирского общества. Однако, во-первых, как отмечалось выше, автохтонный социальный мир Африки ни в коей мере не поощряет диктатуру, во-вторых, сами понятия «заирская культура», «заирская самобытность» абсурдны, если употреблять их в связи с истоками африканских культур и социумов: Заир (ныне – Демократическая Республика Конго) есть порождение колониализма, прежде народы этого современного государства никогда не были объединены в пределах одного социально-политического организма и тем более не обладали общей «заирской» культурой. На самом деле мобутизм был не обращением к реальным истокам; это было изобретение неких псевдоистоков в ситуации, когда автохтонные общества многочисленных народов Заира и их нормы, в том числе имеющие отношение к проблеме прав человека, уже в значительной степени оказались искаженными (пусть и не искорененными) в колониальный и ранний постколониальный период. Только в такой ситуации и было возможно утверждение мобутизма и ему подобных идеологий, в действительности строившихся не на утверждении в новых исторических условиях традиционных социальных ценностей, а на отрицании ценностей западного гражданского общества – ценностей, неразрывно связанных с понятием «права человека».

Если говорить о сегодняшней Африке в связи с концепцией прав человека, сложившейся на Западе и навязываемой им миру как якобы универсальная, то необходимо отметить следующее. Современное африканское общество расколото. С одной стороны, существуют образованная молодежь, интеллигенция. Естественно, это преимущественно горожане, имеющие широкий доступ к современным средствам массовой информации: Интернету, прессе, телевидению, в том числе западному. В своем большинстве это люди, для которых концепция прав человека, именно в ее западном варианте, даже если они сами любят говорить о засилии Запада в их странах, о негативных аспектах глобализации и т.д., – то, что признается ими как несомненная ценность. Существует большое количество НГО, которые действуют в африканских странах, причем не только западные и международные, но и свои, африканские, в том числе борющиеся за права человека, утверждение гражданского общества. В то же время в любой африканской стране существуют миллионы людей бедных, необразованных, неграмотных не только с точки зрения неумения читать и писать, но и в смысле незнания и непонимания норм демократии.

Приведу пример из своей практики африканиста. Республика Бенин. В свое время студенты из Бенина занимали первое место среди всех иностранцев по проценту окончивавших советские вузы с красным дипломом. Это происходило потому, что некогда французские колонизаторы делали в Дагомее (как тогда назывался Бенин) ставку на воспитание узкого, но хорошо образованного и высококвалифицированного слоя элиты. И в СССР приезжали учиться молодые представители именно этой социальной группы. Сегодня Бенин – страна, в которой с конца 1980 – начала 1990-х годов утвердилась реально демократическая политическая система, в рамках которой существуют подлинные многопартийность и парламентаризм, а президенту отнюдь не гарантировано переизбрание на второй срок. Образованная часть общества этим очень гордится и в целом негативно отзывалась о периоде, когда в их стране с советской подачи пытались строить социализм. Но в то же время Бенин – страна, где более 40% граждан неграмотные и еще около 30% можно назвать малограмотными. Это люди, которые не имеют никакого представления о демократии, правах человека. На мой взгляд, проблема утверждения вообще каких-либо гражданских, демократических, в том числе связанных с правами человека, норм в Африке упирается

в огромной мере в проблему образования. Неслучайно в те времена, когда в Европе зарождались эти концепции, деятели Просвещения настаивали на том, что просвещенными должны быть не только правители – «мудрецы на троне», но и народ, поскольку народ должен быть способен осознанно заключать, соблюдать и следить за выполнением другой стороной «общественного договора» между ним и властью. Демократия – строй образованного среднего класса. Это понимали еще в античности: неслучайно, например, Солон предпринимал меры против как чрезмерного обогащения, так и обеднения афинян. Во взятом же мною для примера Бенине, с одной стороны, есть слой людей, понимающих суть демократии, включая концепцию прав человека, приверженных соответствующим политическим идеалам и общественным нормам. Но те самые 70% бенинцев – бедных и необразованных (что взаимосвязано) – тоже электорат, и эти люди также участвуют в общественно-политической жизни, в частности в выборах. Таким образом, в рамках одного национального политического процесса сталкиваются две очень разные политические культуры, за которыми стоят разные мировоззрения, образы жизни и социальные возможности. Путь к утверждению прав человека в Африке как концепции и практики лежит, прежде всего, через образование, просвещение. Прежде всего потому, что любая система образования не только дает знания, но и вольно или невольно формирует в сознании людей ту или иную систему ценностей; современное же образование, в своей основе западное, – секулярное, антропоцентрическое по своей сути, ориентирующее на систему ценностей гражданского общества, в которой правам человека отведена центральная роль.

Только в ситуации доминирующего антропоцентризма мировидения и секулярности сознания возможна реализация концепции прав человека в ее исторически-западной версии. На сегодняшний день в Африке уровень секулярности сознания достаточно низкий, а антропоцентризм не является характерной чертой мировидения большей части ее жителей. Это ни в коей мере не делает африканцев хуже европейцев! Европа прошла огромный исторический путь к своему нынешнему духовному и социально-политическому состоянию. Просто необходимо констатировать, что в странах субсахарской Африки на сегодняшний день недостаточно предпосылок любого рода – социальных, политических, культурных, ментальных и т.д. – для подлинной (не формальной) реализации в

них западной концепции прав человека. Возможно, их формированию поспособствует глобализация, однако, по моему убеждению, вопрос о том, имеет ли смысл внедрять в Африке концепцию прав человека именно в якобы универсальной, а на самом деле западной форме, остается открытым. Очевидно, правильный ответ на него будет зависеть от того, к чему приведет глобализация: вселенской вестернизации или формированию всемирной цивилизации как единой социокультурной основы своего рода федерации локальных цивилизаций. Лично мне более вероятным кажется второй вариант¹.

¹ См., например: Bondarenko D.M. The Social World's Parts and Whole: Globalization and the Future of Some Non-Western Cultures in the Civilization and World-System Theories Perspectives // Systemic Development: Local Solutions in a Global Environment / ed. by J. Sheffield. Litchfield Park, AZ: ISCE Publishing, 2009. P. 17–24.

Международно-правовые инструменты защиты прав человека в Африке

Н.Г. Щербаков

В 2011 г. исполняется 25 лет с момента принятия африканской Хартии прав человека и народов (The African Charter on Human and Peoples Rights). С 2006 г. действует Африканский суд по правам человека (African Court on Human and Peoples Rights), базирующийся в Танзании. Именно он призван применять в конкретных ситуациях основные положения этой Хартии.

Важно отметить, что Африканская хартия – единственный документ из значительного числа региональных хартий, в котором в официальном названии присутствуют подчеркнuto разделенные понятия прав человека и народов. По многим понятным причинам такого разделения понятий нет ни в документе, призванном защищать права арабских народов, ни в документах других регионов – там ни в названии, ни в содержательной части нет такого акцента. Во многом это объясняется тем, что документ выработывался с 1981 г. силами достаточно специфического сообщества юристов и общественно-политических деятелей стран Африки и по-настоящему не пересматривался на протяжении 25 лет своего существования, несмотря на многие перемены, произошедшие на африканском континенте. Те немногие добавления, которые были сделаны за прошедший период, имели незначительный характер. Принятая 27 июня 1981 г. в Найроби (Кения) и вступившая в силу 21 октября 1986 г. после ратификации 26 государствами Хартия в настоящее время ратифицирована 53 членами Африканского союза (ратификацию пока не подтвердил Южный Судан, 54-й член АС). Этот документ состоит из 68 статей и двух дополнительных протоколов: Протокола об учреждении Африканского Суда по правам человека и народов (1998 г.) и Протокола о правах женщин в Африке (2003 г.).

Органом, призванным наблюдать за применением положений Хартии в тесном сотрудничестве с Африканским судом, является Африканская комиссия по правам человека и народов (АК), выполнение решений которой значительно затруднено.

Африканская Хартия – важный источник норм и понятий для национальных законодательных систем. Существует два метода применения

положений Африканской Хартии – непосредственное применение ее положений в национальном законодательстве и адаптация этих положений. Африканская комиссия неоднократно высказывалась в пользу эффективного применения положений Хартии в национальных законодательных процедурах, делая акцент на роли юристов и судей.

Следует отметить, что в традиции африканских стран-франкофонов – брать на вооружение принципы международных соглашений без применения каких-либо специальных процедур для соединения основных положений этих договоров с принципами национальной законодательной системы. Но наряду с такими странами, которые считают, что эти принципы имеют верховенство над конституционными нормами, существуют страны, преимущественно аглофоны, где важное значение имеет «перевод» международно-правовых норм на язык национального законодательства. И в качестве третьего варианта следует учесть существование немногочисленных случаев, когда отсутствует национальная конституция (Ливия), юридическая система как таковая (Сомали) или превалирует религиозная составляющая – шариат. Тем не менее ратификация Хартии подразумевает значительные обязательства для принимающей эти принципы страны.

За 25 лет своего существования АК приняла почти 190 резолюций, включая и около 20 так называемых «нормативных». Но на практике лишь очень незначительное число из всего этого многообразия решений и рекомендаций имели прямое влияние на национальное законодательство. Наиболее конкретное влияние эти резолюции имели на законодательство в отношении уязвимых категорий населения и в связи с защитой от пандемии СПИДа. К этому можно также добавить определенные перемены в вопросе о применении высшей меры наказания в отдельных странах. АК стремится устанавливать прямые отношения с национальными институтами, занимающимися правами человека в конкретной стране, из 53 стран – членов Африканского союза они сейчас действуют в 22 странах континента. С опорой на такие институты и действия отдельных юристов АК за время своей работы рассмотрела более 400 конкретных случаев, представленных на ее заключение. Было признано 73 случая нарушений, пришедшихся на 44 страны-участницы. Следует признать, что необходимые действия по исправлению нарушений были осуществлены лишь в небольшом числе стран и это можно считать наиболее слабой стороной применения на практике Африканской хартии. В настоящее

время все активнее отстаивается точка зрения, что Африканский союз и властные режимы в странах – членах союза обязаны открыть «новую эру» в практике применения рекомендаций АК по соблюдению принципов Африканской хартии.

В контексте объяснения причин нежелания различных политических сил признавать Африканскую хартию можно предложить вспомнить о процессе международного признания республики Биафра, провозглашенной в ходе гражданской войны в Федеративной республике Нигерия в 1967–1970 гг.

События в Нигерии, вне зависимости от нашего отношения к претензиям народа игбо на создание собственного государства, стали первым испытанием для международного сообщества и для новой независимой Африки в деле признания принципа самоопределения наций и оппонирующего ему принципа территориальной целостности.

В рамках «холодной войны» произошло удивительное единение США и СССР в том, чтобы не дать расколоть единую Нигерию в надежде сохранить и укрепить свои позиции во взаимоотношениях с новой Африкой – перспективным политическим и экономическим партнером. Прямо противоположную позицию, т.е. отстаивание всеми силами принципа самоопределения, заняли европейские метрополии – Франция, Португалия, ряд других стран, среди которых очень важным представляется позиция Танзании. Достаточно авторитетный лидер этого молодого африканского государства Джулиус Ньерере не просто поддержал права игбо на создание независимой республики Биафра. Он официально призвал сделать это членов ОАЕ и государства других регионов, указывая на искусственность постколониальных границ в Африке. По сути, он первым предложил считать вторичным принцип сохранения территориальной целостности в ситуации, когда есть ясно выраженное стремление народа, избравшего свое правительство, сформировать новое государство. Необычность ситуации, опасения цепной реакции в молодых и неопытных во всех отношениях странах Африки, где процесс появления независимых государств активно продолжался – все это привело к тому, что при молчаливом (а в отдельных случаях – весьма красноречивом и весьма практично организованном) согласии большинства африканских стран Республика Биафра была приведена в покорность федеральным правительством Нигерии, прецедента торжества права нации на самоопределение не случилось.

По прошествии десятилетий независимая Африка не только пересмотрела свое отношение к этой важной норме международного права, но создала несколько назидательных моделей того, как и в какие сроки может быть сформировано новое государство в полном соответствии с этим принципом. Недавний опыт Эритреи, продолжающийся трагический эксперимент в Северо-Восточной Африке, который захватывает не только территорию Сомали, не заверченный в организационном плане, но оформленный юридически проект по разделению Судана на два государства – прямое опровержение той традиции, которой, как казалось, было положено начало с ликвидацией «сепаратизма» в Биафре. Оказалось, что не норма международного права имеет главенствующее значение, а соотношение сил ее сторонников или противников вне страны, способных влиять на ситуацию и изменение норм национального законодательства.

Получается, что и в ситуации с правами человека и уж тем более – с правами народов каждый раз надо смотреть не столько в Африканскую хартию, которая предусматривает главенство той или иной нормы, а учитывать политическую ситуацию и готовность внешних сил помогать нужному народу. То, что страшит профессора Рябинина, как он указал в своем выступлении, вполне может и будет продолжаться, поскольку такая практика отвергалась ранее, а теперь она реализуется. Естественно, при реализации такой практики до прав не *Peoples*, а вот этих *Humans* будет очень далеко. Как это уже и реализовалось в ужасающих формах. Иван Владимирович Кривушин, участвующий в нашем обсуждении, мог бы проиллюстрировать это, причем не только трагическими примерами в Руанде, но и при любом большом конфликте, где все права человека забываются мгновенно. Самое трагичное, что подобный конфликт во внешнем мире быстро забывается. Все события, фактически масштабная война в районе Великих африканских озер, никого не волновали. Процесс принятия Африканской хартии, когда документ этот начинали обсуждать, пришелся как раз на период большой войны в Центральной Африке. Этот важный документ благополучно обсуждали на фоне происходившего, его принимали, с ним соглашались, и никого не волновало, как реализуется эта Хартия на практике, именно в это самое время. Обсуждали вопросы СПИДа, естественно как право человека, что надо с этим бороться, положить этому конец, создать соответствующие гуманитарные организации и практически единогласно принимали решения. Обсуждали во-

прос об особо уязвимых людях, права которых нужно уважать и создавать им все возможности. Права же просто людей не получается обсуждать, они не очень пока вписываются в систему ценностных приоритетов большей части африканских государств. В лучшем случае получается озаботиться правами народов, хотя в официальном названии документа, Африканской хартии, они и стоят на втором месте, после столь ценных прав простого человека.

Права человека в Африке: между универсализмом и релятивизмом

И.В. Кривушин

На самом деле, очень многое здесь было сказано и все совершенно верно. Я рискую вызвать гнев Аполлона Борисовича Давидсона, скажу немножко об африканской специфике. Как я понимаю, речь идет о двух основных подходах к этой проблеме – о подходе универсалистском и подходе релятивистском. Универсалистский подход предполагает, что существуют универсальные права человека, которые везде и всегда должны соблюдаться. Релятивистский же подход предполагает, что права человека не могут существовать в вакууме – ни в социальном, ни в культурном, ни в политическом. Африка, с моей точки зрения, является доказательством именно этого факта. Проблема прав человека в Африке упирается, в частности, в вопрос о реальности прав человека в традиционном обществе, об их существовании в рамках сельской общины. Очевидно, что в традиционном обществе, в том числе африканском, было, например, такое явление, как свобода слова. Этого нельзя отрицать. Проблема в том, что эти права, права индивида, сосуществовали с определенными обязанностями этого индивида и одновременно не могли вступать в конфликт с полномочиями единиц более высокого уровня: племени, общины, государства. Вопрос именно в этом соотношении прав индивида и прав тех социальных групп, к которым он принадлежал, в соотношении в разных цивилизациях индивида, группы и общества в целом. Проблема и прав человека, и правозащитного движения не может существовать в вакууме.

Приведу пример – волна демократизации в африканских странах в конце 1980 – начале 1990-х годов. Во многих государствах эта демократизация, которая ориентировалась на утверждение западных политических образцов, обернулась в конечном счете «кровавой баней». Она способствовала распаду старых социальных структур, тех структур, которые образовались в период после обретения независимости. Даже правозащитное движение способствовало распаду старых клиентельных сетей, цементировавших старую социально-политическую систему, и в этом отношении сыграло негативную роль, способствуя деградации политических структур и устоявшихся типов общественных отношений.

Еще одно замечание по поводу «тонкого слоя африканской европеизированной интеллигенции», на которую возлагается основная надежда и о которой здесь говорили. Поскольку африканские общества до сих пор находятся в состоянии переходном, для Африки характерно такое явление, как множественность социокультурных ролей. Прежде всего это касается образованных людей. Очень часто африканец играет одну роль, когда он приезжает к себе в сельскую местность, и совсем другую роль он играет, когда общается с американцами или европейцами. В этом плане для африканцев права человека это то же самое, чем для де Голля была ООН, это такая «штучка». В данном случае вот такая западная импортная «штучка», которую довольно сложно приспособить к африканской социально-политической реальности. Вспомним, что в период руандийского геноцида интеллигенция хуту сыграла одну из самых трагических ролей и в организации резни, и в ее идейном обосновании. Университет Бутаре, знаменитая кузница руандийских интеллектуалов, и именно там преподаватели хуту организовывали убийства своих студентов и своих коллег тутси. И все потому, что в какой-то момент для них «права» их этноса – хуту – стали превыше всего, ибо они понимали это право, как право на выживание. Логика, которой эти интеллектуалы следовали, проста: если они не уничтожат другой этнос, то станет вопрос об их собственном существовании. Первобытный принцип, оказавшийся настолько важным, что не помогло никакое европейское образование. Подобным образом вели себя многие священнослужители (кроме мусульман), однако интеллигенция сыграла особо трагическую роль. Поэтому проблему прав человека и восприятие этой проблемы надо анализировать с точки зрения истории данного общества и его современного состояния. При этом следует учитывать, что в значительной степени у очень многих африканцев негативная оценка того, что дал Запад их странам. Западная правовая культура воспринимается как элемент западного наследия, связанного в первую очередь с колониальным режимом, а не с социально-политическими традициями западной цивилизации. Это также препятствует утверждению в Африке правозащитных институтов и правозащитного сознания.

Проблема применимости концепции прав человека в Африке

Ю.М. Почта

Я не столько феноменологически, сколько концептуально попробую высказаться в развитие того, что было высказано уважаемыми коллегами. Сейчас существует оправданное внимание к правам человека во всем мире. Это связано не только с этой концепцией, но и с концепцией демократии и гражданского общества. В условиях современного этапа глобализации эти институты, эти ценности успешно распространяются во всех странах, и Россия не избежала этого влияния после исчезновения Советского Союза. Резко увеличилось за последнее десятилетие число демократических государств, формально демократических, резко уменьшилось число авторитарных, в том числе и в Африке. Как говорили здесь, это результат влияния западной цивилизации, это не продукт естественного развития африканского или, скажем, российского общества. За этим стоит концепция социального конструктивизма, когда предполагается, что на любую территорию, в любой стране, среди любого населения можно внедрять передовые институты западной политической культуры, и они там могут работать вполне успешно. Вопрос о том, насколько это соответствует естественным процессам развития данного социума, поднимается редко и чаще всего просто не возникает.

Применительно к концепции прав человека, насколько она органично приживается на других территориях в условиях других социальных контекстов. Сегодня здесь говорилось, что происходит смешение местных традиций, западных структур, возникает очень причудливое сочетание, амальгама. Иногда говорят, что это имитация западных моделей и что за этим мало что стоит. Однако это существует, пока существует западная поддержка, финансирование, пока действуют какие-то фонды. Хочу оставить в стороне вопрос насаждения или внедрения западных моделей, что часто может служить и инструментальным целям, и способом вторжения во внутренние дела других стран, ограничения их суверенитета под предлогом защиты прав человека или защиты демократии.

Здесь я хотел бы вернуться к тому, что говорил Аполлон Борисович Давидсон. Мы, рассуждая в том числе и об Африке и о правах человека, немножко выходим из нашего собственного контекста. Мы становимся европейцами и начинаем высокомерно говорить об Африке. Наши люди

часто публично критикуют Запад, в особенности в контексте финансового кризиса. **При этом мы делаем вид, что не строили социализм на протяжении нескольких десятилетий** не только у себя, но и в той же Африке. Мы забываем полностью, что социализм и **марксизм – западная концепция**. Мы попытались эту концепцию применить у нас, используя самые разные средства и попытались ее предложить всему человечеству, в том числе и массе развивающихся стран. Где остатки этого социализма в Африке, Узбекистане, Таджикистане? По-моему, ушло это все.

Западная концепция на незападной культурной почве чаще всего носит временный характер, носит характер имитационный. Да, что-то остается. Да, появляется тонкий слой интеллигенции, да, могут появляться институты, продолжающие существовать после окончания советской помощи странам некапиталистического пути развития. Теперь Запад предлагает концепцию прав человека, демократию, гражданское общество уже всему человечеству, в том числе и нашей стране, мы уже становимся объектом такого воздействия, насаждения, часто имитационного действия.

Но нужно учитывать и цивилизационный контекст. Невозможно полностью скопировать инородную, инокультурную модель на других. Концепции прав человека – продукт Запада. Она продукт сложнейшего развития западного общества, потому что западное общество, идя к этой концепции, преодолело ряд сложнейших этапов, культурных подвижек, проходя через расизм, через фашизм, через истребление народов, находящихся под колониальным гнетом. До сих пор какие-то вопросы остаются, например, права коренного населения в Соединенных Штатах. Они живут в резервациях, они ограничены в правах, женщины во многих западных странах получили избирательные права не так давно и т.д. Те же самые Соединенные Штаты. От 10 до 15 млн нелегальных эмигрантов, права которых повсеместно нарушаются.

Таким образом, проблема прав человека очень важная, очень нужная. Но базироваться на западной концепции естественных прав человека, наверное, бессмысленно. Релятивизм концепции прав человека более близок к реальности, потому что права человека – продукт развития конкретного общества, то, что общество от него ждет, то, что оно ему предлагает и то, что может быть реализовано. Мы иногда говорим о трудности реформирования нашей правоохранительной, правоприменительной системы, но она не реформируется, потому что у нас сохраняется старое представление о человеке, о его полной зависимости от государства. Пока не изменится это представление, система будет существовать в прежнем состоянии. Много делается, но не так быстро.

Послесловие

А.Ю. Сунгуров

Сегодняшнее обсуждение завершает цикл круглых столов, мы начали с Кавказа и пропутешествовали по всему миру. Океании, пожалуй, не было. Все остальные регионы рассмотрели. Завершаем сегодня Африкой. Это важная серия “case study”. Следующий этап, я уже думаю о будущем, это выйти на количественное сравнение. Для этого надо выбрать некие параметры для сравнения регионов между собой. Сегодня мы к этому подошли вплотную, когда говорили про конфликты в Африке и о возможности соблюдения там прав человека, и когда сразу же перекинулись на события в Боснии и Герцеговине, события вокруг России, части России на Кавказе. В этом плане выстраивается очень интересная перспектива сравнения. Для чего мы все это изучаем? Чтобы понять, что происходит в мире и у себя. Правильно говорилось, что каждая страна не уникальная, а часть в некоем положенном ряду. Это первое заключение.

Во вторых, мне очень запомнилась реплика одного из участников сегодняшнего обсуждения: «Я не юрист и не правозащитник». В этом и ценность данного проекта. У нас уже среди интеллектуалов создался некий стереотип, что о правах человека имеют право рассуждать либо юристы, либо правозащитники. Очень важно, что мы благодаря этому проекту вышли за рамки только юристов и правозащитников. Одной из острых проблем нашей страны является то, что в головах большинства юристов, особенно тех, кто на госслужбе, главенствует позитивистская (или нормативистская) концепция права, в соответствии с которой право не что иное, как совокупность законов, существующих в этой стране. А раз так, то мы (имеется в виду власть) можем влиять на создание законов, создав послушную Думу, изменяя тем самым и само право в нужном нам направлении. Такой вот ультрапартикуляристский подход к правам человека.

Многие правозащитники, напротив, придерживаются жесткого универсалистского подхода к обсуждаемой концепции, считая, что обсуждать тут нечего, а надо только следить, чтобы власть выполняла все международные нормы и документы по правам человека. Права человека как новая религия, которой надо следовать, не обсуждая. Это тоже, на мой взгляд, перекося, крайний вариант универсалистской концепции. И очень

важно, что в ходе этого круглого стола, так же как и в ходе предыдущих встреч в рамках этого проекта, происходит вовлечение в тему прав человека не юристов и не правозащитников. На мой взгляд, одной из острых проблем институционализации прав человека в современной России является то, что они не стали пока предметом широкой общественной дискуссии. Но когда представители нашей православной церкви предлагают для обсуждения свой взгляд на права человека¹, то многие правозащитники достаточно ревниво относятся к подобному вторжению в тему, которая долгое время была их «вотчиной» и обсуждалась ими с либеральных позиций², и, таким образом, фактически заявили о своей монополии на обсуждение прав человека. Такой вот сектантский либеральный фундаментализм. Выйти за эти пределы, не боясь, что кого-то одернут, серьезно обсуждать, как это имело место на этом и предшествующих семинарах, очень важно. Если концепция прав человека становится частью общественного дискурса, то она становится частью реалий нашей жизни, что очень важно уже в плане нашей собственной жизни в России.

¹ Кирилл, Митрополит Смоленский и Калининградский. Свобода и ответственность: в поисках гармонии. Права человека и достоинство личности. М.: Отдел внешних связей Московского Патриархата, 2008.

² Так, например, на Втором Всероссийском съезде правозащитников Г. Якунин говорил о Декларации о правах и достоинстве человека: «“Декларация” подрывает демократические основы общества и вносит свою лепту в ползучий конституционный переворот». URL: <http://www.zaprava.ru/content/view/607/2/>.

Препринт WP18/2012/01
Серия WP18
Права человека в современном мире

Культурные аспекты и правоприменительная практика в области прав человека в Африке

Зав. редакцией оперативного выпуска *А.В. Заиченко*
Технический редактор *Ю.Н. Петрина*

Отпечатано в типографии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» с представленного оригинал-макета
Формат 60×84 ¹/₁₆, Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 2,75
Усл. печ. л. 2,55. Заказ № . Изд. № 1504

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
Тел.: (499) 611-24-15